Изд. «Досугъ и Дѣло.»

ПОДВИГИ

нѣкоторыхъ сподвижниковъ

ТАРУТИНСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛКА,

павшихъ въ побоищѣ, 24 октября 1854 года,

на Инкерманѣ, вблизи Севастополя.

(Выдержка изъ воспоминаній бывшаго Севастопольскаго охотника — унтеръ-офицера сего полка.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Военной Типографіи (въ зданіи Главнаго Штаба.)
1874.

ПОДВИГИ

НѢКОТОРЫХЪ СПОДВИЖНИКОВЪ ТАРУТИНСКАГО ПѢХОТНАГО ПОЛКА,

ПАВШИХЪ ВЪ ПОБОИЩѢ, 24 ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА,

НА ИНКЕРМАНѢ, ВБЛИЗИ СЕВАСТОПОЛЯ.

(Выдержки изъ воспоминаній бывшаго Севастопольскаго охотника — унтеръ-офицера сего полка).

Въ 1854 году, 23-го Октября, день былъ пасмурный, грибной дождикъ, какъ изъ сита, шелъ почти весь день, прерываясь на небольшіе промежутки времени. Баталіоны нашего полка въ это утро по раннему разсвѣту только-что заняли позицію, вблизи извѣстныхъ почтовыхъ бѣлыхъ домиковъ, на Инкерманской дорогѣ, въ густомъ дубовомъ пролѣскѣ. Наканунѣ того дня мы занимали позицію на мѣстѣ славнаго боя, 13-го Октября, то есть на Федюхиныхъ высотахъ, гдѣ отличилась 12-я пѣхотная дивизія. Съ Федюхинской позиціи насъ вывели на эту новую, часа за 2—3 до разсвѣта. Здѣсь у бѣлыхъ домиковъ мы ожидали проѣзда мимо Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Между тѣмъ, служба и частныя занятія не прекраща-

лись—шли своимъ чередомъ: не смотря на непогоду, плели туры и вязали фашины для Севастополя,—откуда неслись выстрѣлы пушечной пальбы, грохоты которой громко и отчетливо разносились по нашему бивуаку. Солдаты таскали охапки вѣтокъ дубняка для своихъ и начальническихъ временныхъ жилищъ. Дѣятельность кругомъ кипѣла, хотя всякій изъ насъ промокъ до собственной природной кожаной рубашки, но мы всѣ были бодры, а отъ ожиданія лицезрѣть Ихъ Императорскія Высочества — даже веселы. Пѣсни разносились повсюду; а дождь кропилъ себѣ, да кропилъ.... Ожиданія наши къ сожалѣнію были напрасны: Великіе Князья миновали вовсе нашу позицію; рѣдкимъ изъ насъ по этому посчастливилось видѣть Августѣйшихъ Дѣтей Незабвеннаго, въ Бозѣ почившаго Государя Императора и слышать Ихъ ласковый привѣтъ, — издали только мы услышали восторженное *«ура!»*... Послѣ полудня дождь хотя прекратился, но небо было облачно и, какъ будто, посмѣивалось надъ нами, а было чему посмѣяться: многіе солдаты бродили полунагіе, около своихъ костровъ, безъ сорочекъ и вертѣли ихъ надъ огнемъ, выжаривая безпокоившихъ насѣкомыхъ.... Въ разныхъ сторонахъ нашего лагеря горланили различныя народныя пѣсни, отчего происходилъ какой-то неладный, но развеселый шумъ и гамъ: голоса и различные самодѣльные инструменты слыша-

лись въ различныхъ сторонахъ бивуака: то балалайка, то кларнетъ, то скрипка и различныя сопѣлки.

* *
*

Подполковникъ Александръ Матвѣевичъ Горевъ, командиръ 2-го баталіона, человѣкъ суроваго характера, строгій служака, справедливѣйшій, рѣдко улыбавшійся, — постоянно угрюмый, — въ этотъ, вѣчно-памятный день, былъ очень веселъ, сообщителенъ, и, противъ обыкновенія, балагурилъ съ нижними чинами, расхаживая около костровъ; въ то время онъ будто бы переродился въ весельчака. Въ тѣ немногіе дни Александръ Матвѣевичъ командовалъ полкомъ, вмѣсто настоящаго командира Г.-М. (*) Волкова, котораго Свѣтлѣйшій Князь Менщиковъ — Главнокомандующій, за что-то удалилъ отъ командованія, а назначенный вновь Полковникъ Гордѣевъ еще не принималъ полка. Прогуливаясь по бивуаку, Горевъ встрѣтился съ нѣкоторыми офицерами полка и юнкерами; то были: Капитанъ Воротниковъ, Штабсъ-Капитанъ Подресъ, Прапорщикъ Соловьевъ и юнкера Эвеніусъ и Широковъ и, вольноопредѣляющійся унтеръ-офицерскаго званія, пишущій эти строки. Всѣ эти лица принадлежали къ разнымъ баталіонамъ полка. Какое необыкновенное стеченіе обстоятельствъ! для меня тѣмъ болѣе необъяснимыя, важныя; почему,

(*) Генералъ-Маіора.

припоминая тѣ минуты, я содрогаюсь.... Всѣ эти лица, за исключеніемъ одного меня, на другой день, только въ разные часы дня и моменты битвы, были убиты или отдали душу свою Тому, предъ Кѣмъ всѣ равны,—отъ полученныхъ ранъ, совершивъ подвиги, исполняя присягу: не щадить живота своего до послѣдней капли крови, во славу русскаго оружія. На другой день произошла извѣстная Инкерманская вылазка, печальная для насъ.... Наканунѣ всѣ эти люди, полные силъ и надеждъ, какъ бы по предчувствію, будто сговорились и сошлись мои желанные, чтобы провести послѣдній вечеръ своей жизни вмѣстѣ.... Воздаю благодареніе Господу, оставившему мнѣ жизнь! И я часто теперь думаю, не для того-ли, чтобы мнѣ впослѣдствіи засвидѣтельствовать въ назиданіе будущему поколѣнію воиновъ о ихъ славной и вѣрной службѣ, въ примѣръ для новыхъ слугъ Царя?

* *
*

При встрѣчѣ, между офицерами, завязался серьезный разговоръ, а мы, вольноопредѣляющіеся, находились сзади ихъ кружка, въ почтительномъ отдаленіи и почти ничего не слыхали. Начальники, нѣсколько поболтавъ на томъ мѣстѣ, поплелись, а также и мы, по приглашенію г. Соловьева и съ разрѣшенія г. Горева,—къ сторонѣ 4-го баталіона, къ жилищу изъ дубовыхъ вѣтокъ Прапорщика Соловьева, на флангъ 12-й

роты, въ которой г. Соловьевъ состоялъ субалтернъ-офицеромъ. Пройдя нѣсколько саженъ, и, приближаясь къ мѣсту, гдѣ располагался на военную ногу Прапорщикъ, мы увидѣли кипящій складной походный самоварчикъ, скромную офицерскую закуску и на разостланномъ коврикѣ связанныя нитками колоды картъ. Тамъ всѣ расположились на мокрой душистой травѣ. Между начальствомъ пошла бесѣда.... Вскорѣ, проходящій мимо нашего общества Подпоручикъ Лукирскій, тоже былъ приглашенъ г. Соловьевымъ въ компанію и подпоручикъ подсѣлъ, молча, къ намъ; а Горевъ, Воротниковъ и Подресъ, развязавъ карточныя колоды, размѣстились на коврикѣ и открыли игру въ преферансъ по маленькой. Мы остальные расположились около съ кручеными папиросками въ зубахъ; искусству крутить руками мы научились въ Крыму, потому что въ нѣдрахъ Россіи, до войны, курились трубки съ вакштафомъ.

* *
*

Г. Соловьевъ разливалъ чай, такъ какъ деньщикъ былъ имъ усланъ къ духанщику за виномъ и высшаго рода закускою и позамѣшкался. По этой причинѣ Соловьевъ находился, какъ хозяинъ, въ неловкомъ положеніи относительно гостей высшаго ранга, тѣмъ-болѣе Штабсъ-Капитанъ Подресъ любилъ пропустить въ свободные часы водочки; да и другіе-то не отказались-бы, по

случаю дурной погоды, за исключеніемъ Горева, который не пилъ вовсе. Подресъ, между игры, то и дѣло обращался къ хозяину взорами, ясно говорившими: да-что-же молъ, братецъ, скоро-ли ты распорядишся подать разговорцу (*)? Капральный унтеръ-офицеръ Яковлевъ, завѣдующій 1-мъ капральствомъ въ 12 ротѣ—находился вблизи насъ, и по своей смѣтливости, сообразилъ неловкое положеніе своего офицера предъ гостями, обратился къ г. Соловьеву (**), который какъ и Подресъ безпрестанно оборачивался въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти деньщикъ,— «Ваше Благородіе, а Ваше Благородіе!» — въ полъ-голоса-говорилъ Яковлевъ г. Соловьеву,— подавая ему манерку,—«вотъ у меня имѣется осмѣливаюсь доложить—манерка водки»...

* *
*

«Вотъ спасибо; вотъ спасибо тебѣ капралъ... одолжилъ... вотъ такъ выручилъ!» — потрудись, братецъ, разливай чай, а я—пока—того... распоряжусь... поспѣшно, въ скороговорку, проговорилъ Соловьевъ и началъ хозяйничать съ манеркою.—Яковлевъ приступилъ къ разливанію

(*) Разговорецъ,—техническое армейское наименованіе—водки.

(**) Нашъ русскій солдатъ таковъ: онъ не только послѣдній кусокъ хлѣба, рубашку или сапоги, но все—какъ говорится—отдастъ *за* и *для* своего ближняго и, въ особенности для любимаго начальника. Мало-ли-что можетъ приключиться въ жизни, въ походѣ и на войнѣ? Это испыталъ и я на своемъ вѣку не разъ... и въ особенности при настоящей отставкѣ, когда, во время моей болѣзни, не могъ трудиться для насущныхъ потребностей.

чая; тотъ-часъ-же прибылъ и деньщикъ съ покупками: бутылками съ ямайскими и въ родѣ того, съ сыромъ, масломъ, сардинками, калбасой, макаронами и проч. Раскутились въ предсмертные часы великіе сподвижники!...

* *
*

Въ промежуткахъ времени, между играющими и окружающими, велись разные разговоры, разсуждали: о пріѣздѣ Великихъ Князей,—то о томъ—другомъ; но въ конецъ-концовъ всѣ разговоры и сужденія сводились къ Лермонтовской идеѣ, что жизнь пустая и глупая шутка... Живетъ—молъ человѣкъ, живетъ и умретъ; такой ужъ законъ природы; все-молъ это по видимому смѣшно, но необходимо. Потолкуютъ-потолкуютъ на эту тему и задумаются,—соберутъ на своихъ лбахъ морщины и, водя усами, молча козыряются въ преферансъ. Пауза продолжается минутъ пять и болѣе. Потомъ опять заведутъ эту-же канитель: зачѣмъ это человѣкъ родится?—родится плачетъ, живетъ плачетъ, и умирая плачетъ... все-то слезы, слезы и слезы... Горевъ, какъ мнѣ помнится, сказалъ: намъ некогда господа плакать, когда прикажутъ умирать;—надо только съумѣть умереть. Да и плакать-то не кому, примолвилъ Подресъ. Горевъ при этомъ засмѣялся; а Воротниковъ, съ сердцемъ, сказалъ Подресу: по тебѣ некому плакать, ты, я думаю, и самъ не знаешь, когда и гдѣ родился, а деньжищи, братецъ, у

тебя гибель, кому ее оставишь? оставь мнѣ,— у меня есть старуха-мать (*). Подресъ во время монолога Воротникова лукаво ухмылялся, потомъ со смиреніемъ сказалъ: какія у меня деньги; какой ты шутникъ, Воротниковъ, право, я самый бѣднѣйшій офицеръ въ полку... Послѣ сихъ словъ уже никто изъ нашего общества не выдержалъ, хохотъ разлился между играющими, смѣялся и самъ даже Подресъ и мы многогрѣшные; потому что всѣ знали, что въ настоящемъ случаѣ Штабсъ-Капитанъ противорѣчилъ себѣ.

Наконецъ, игра въ преферансъ кончилась. Послѣ смѣха всегда наступаетъ грусть; по этому Горевъ, Воротниковъ, Подресъ и Лукирскій, распростившись съ хозяиномъ, грустные встали съ своихъ мѣстъ и пошли каждый на свое мѣсто, гдѣ кто имѣлъ свой шалашъ изъ дубовыхъ вѣтокъ. Мы, нижніе чины, по просьбѣ хозяина, остались еще поблагодушествовать и вкусить плодовъ земныхъ, такъ какъ въ присутствіи начальства такихъ великихъ чиновъ стѣснялись и прикасались къ нимъ слегка, а не на распашку...

* *
*

Вечерѣло. Стихалъ бивуакъ. Соловьевъ, Эвеніусъ, Широковъ и я благодушествовали. Яковлевъ исправлялъ при насъ должность виночер-

---

(*) Подресъ, какъ фактически было извѣстно старымъ Тарутинцамъ, имѣлъ дѣйствительно не одинъ десятокъ тысячъ презрѣннаго метала.

пія, а деньщикъ готовилъ битки и макароны, скороспѣлыя, лакомыя военныя кушанья. Потомъ между г. Соловьевымъ и капраломъ произошелъ въ нѣкоторомъ родѣ споръ. Первый говорилъ: возьми деньги за водку и совалъ Яковлеву какую-то ассигнацію въ руки; а послѣдній отказывался:

— Не могу, Ваше Благородіе; какъ можно взять! Хоть убейте не могу, добавилъ капралъ.

Соловьевъ, сконфуженный, яко красная дѣвица, продолжалъ убѣждать:

— Послушай, можетъ быть я мало даю?— скажи.

— Никакъ нѣтъ-съ; какъ можно, Ваше Благородіе? въ такіе дни... сево-дни живъ,—а може меня, васъ и другихъ завтра, али си-часъ убьютъ? – посудите сами...

На эти чистосердечныя, умныя и пророческія рѣчи ничего больше не оставалось г-ну Соловьеву говорить и дѣлать, какъ только предложить капралу раздѣлить трапезу вмѣстѣ съ нами; храбрый офицеръ это самое и сдѣлалъ.

* *
*

— Много довольны, если осчастливите, можно-съ, Ваше Благородіе, отвѣтилъ Соловьеву капралъ, принимая чарку изъ рукъ Эвеніуса и залпомъ выпилъ. Онъ самъ налилъ себѣ чаю и задумался нѣсколько, обнявъ свои колѣни. Потомъ началъ рѣчь доблестнѣйшій капралъ:

— А вотъ, Ваше Благородіе, что я мелькомъ слышалъ: свалки съ французами намъ надо ждать... сказываютъ што въ артилеріи кони корму не жрутъ; а это самое значитъ, говорятъ бывалые старики, не къ добру.... ту лошадь, либо того солдатика, какой за ней ухаживаетъ, убьютъ, али изкалѣчатъ, али убьютъ бизпримѣнно кого нибуть и, быть—значитъ—баталіи великой....

— Кто тебѣ такія бабьи вѣсти принесъ?—спросилъ его г. Соловьевъ,—слушавшій прежде до того со вниманіемъ, какъ и мы, разговоръ капрала.

— Личарда (*) мой, Ваше Благородіе, отвѣчалъ Яковлевъ.

Г. Соловьевъ захохоталъ. Капралъ какъ бы не замѣчалъ причины смѣха Прапорщика.

— Ахъ ты простота—простота, промолвилъ съ удодовольствіемъ Соловьевъ,—у всѣхъ-то у васъ дурней подобныя мысли.... хуже ты, братецъ, бабы, да еще какой!

—Какой? осмѣливаюсь спросить Ваше Благородіе!

—А вотъ какой,—я тебѣ даже скажу какой губерніи, уѣзда, волости.—Хочешь?

Личарда,—прислуга. Слово это съ какого языка, откуда и какъ попало въ нашу армію,— мнѣ неизвѣстно.

— Какъ не хотѣть, Ваше Благородіе! Соловьевъ въ то время вытянулся на коврѣ и, облокотившись, продолжалъ: губерніи Глуховой, уѣзда Глупова, волости Обираловой, села Немалаго изъ деревни Матрениной.—Такъ-ли?

— Захихикалъ капралъ, да и намъ было смѣшненько,—хорошо сказано. Посмѣялись маленько всѣ; Соловьевъ послѣ того сдѣлался серьезенъ, потомъ привсталъ и велѣлъ къ костру подложить вѣтокъ,—ужинъ былъ уже готовъ, а становилось темненько.... Во время вечерянья нашего, Соловьевъ говоритъ капралу: а что Яковлевъ?—я тебя знаю, ты не трусъ; а если случатся обстоятельства такого рода, что на— поди — выходу нѣтъ... пойдешь со мною!

— Пойду, Ваше Благородіе, чтобъ ни случилось, бизпримѣнно пойду,—куды иголка—туда и нитка... Послѣ такого рѣшительнаго отвѣта капрала, котораго знали, что слово его твердо, водворилось молчаніе. Поужинали. Хозяину нужно было дать покой, по этому всѣ мы трое, т. е. Эвеніусъ, Широковъ и я, поблагодаривъ за хлѣбъ за соль хозяина, распростились и разошлись по своимъ мѣстамъ.

Это была послѣдняя минута, когда я видѣлъ и говорилъ съ Соловьевымъ, Широковымъ и Яковлевымъ. Всѣ встрѣтимся мы лишь тамъ, откуда никто не возвращается...

* *
*

Когда я отошелъ отъ костра, наступившая осенняя ночная мгла показалось мнѣ еще темнѣе, ночь была дѣйствительно мрачнѣе подземелья,—хоть глазъ выколи. Можно было нетолько выколоть глаза, но и башку разбить и ноги переломать. Добрался я какъ-то до своего логовища, хотя и глазъ не выкололъ и ногъ не переломалъ; однако, во время шествія такъ треснулся вискомъ о какое-то дерево, что до сихъ поръ остался у меня на физіономіи шрамъ, какъ напоминаніе о той вечерѣ, съ храбрыми моими товарищами, на 24 Октября 1854 года

Грибной дождь снова пошелъ; раскаты грома не небеснаго, а орудійной пальбы въ Севастополѣ, вторимые ущельями горъ, разносились какъ адская музыка по нашей позиціи.

По приходѣ моемъ къ моей берлогѣ, мой старый дядька Игошкинъ (*) (Игнатовъ настоящая его фамилія) еще не спалъ и сидѣлъ у костра задумавшись. Замѣтивъ меня, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что нехорошо въ такое время прохлаждаться въ компаніяхъ, а лучше-бы Богу молиться,—война—смерть на носу, а молодежь и не думаетъ о смертномъ часѣ. Какъ Богу-то будемъ отвѣчать, тамъ-то! Вотъ ваша и образованность; а въ книгахъ-то Божественныхъ что написано!—я вотъ-молъ темный человѣкъ—граматѣ не знаю,

(*) О немъ я упоминалъ немного въ моихъ запискахъ о Севастополѣ, помѣщенныхъ въ Военномъ Сборникѣ, въ 6 книжкѣ 1863 года. Оригинальный этотъ солдатъ былъ уважаемъ и любимъ, не только солдатами, но и начальниками за его исправность и честность.

а вамъ стыдно.... А неравно смертный часъ близко; что вы тогда скажете, Филипычъ?— Надоѣло мнѣ слушать резоны стараго Игошкина, пошелъ-было полежать въ свою ямку, но тѣснота-ли или другое-что, не понимаю, не дало мнѣ ни покоя ни сна и я вылѣзъ на свѣжій воздухъ къ костру, у котораго еще сидѣлъ Игошкинъ и покуривалъ трубочку. Около полуночи привезенъ былъ жандармомъ и казакомъ пакетъ Подполковнику Гореву съ приказаніемъ, готовить тотъ-часъ же пищу, выдать водочки солдатикамъ и выступить въ два часа ночи.—Часа чрезъ два—три пообѣдали; до утра было еще далеко, но раздался звучный голосъ Горева по бивуаку: «въ ружье!»—тотъ часъ же разобрали ружья, выстроились и, по командѣ: знаменные ряды прямо, прочіе налѣво и направо, ружье вольно—шагомъ маршъ! тронулись по грязи въ колѣно, а мѣстами и глубже, по знакомой почтовой Севастопольской дорожкѣ къ устью Черной рѣчки; для чего, за чѣмъ?—никто не зналъ, ни даже самъ Горевъ, командующій полкомъ.

* *
*

Переправа, наступленіе и нападеніе совершились съ раннимъ разсвѣтомъ. Утро было туманное. Штуцерные Бородинскаго и Тарутинскаго полковъ подъ начальствомъ отважнаго Подпоручика Тарутинскаго полка Каракалпакова и Артиллерія,—первые открыли огонь и бой. Кара-

калпаковъ за свою неустрашимость и боевое упрямство поплатился въ семъ дѣлѣ нѣсколькими ранами и жизнію. На выручку пошли и мы. Бой этотъ въ началѣ былъ очень успѣшенъ, но послѣ счастіе повернуло на сторону непріятеля.

Въ самомъ еще началѣ боя Подполковникъ Горевъ лишился уха, но, какъ честный начальникъ, не покинулъ своихъ подчиненныхъ въ минуты опасности, зажавъ рану рукою, повелъ свои ротныя команды на Англійскую Гвардію— крикнувъ: «за мною»!—Все ринулось за нимъ неудержимо, бурно—какъ потокъ,—не смотря на ядра, гранаты и картечь... Храбрый нашъ Полковникъ, послѣ того получилъ и еще до шести ранъ;—его вырвали раненаго изъ рукъ непріятеля и понесли; но онъ приказалъ несущимъ его—бросить, какъ уже никуда не годную вещь. По его приказанію, во время общаго отступленія, его оставили близъ каменоломни; — онъ уже умиралъ...

Русскій, съ русскою душою и сердцемъ! если ты посѣтишъ Севастополь и пойдешъ оттуда по горной саперной дорогѣ, то съ полугоры сверни направо внизъ, — тутъ каменноломня. Остановись и поступи такъ, чтобы сума твоя смотрѣла на Черную рѣчку, а самъ смотри чрезъ свой собственный носъ, то и увидишь то мѣсто, гдѣ отошелъ въ вѣчность Горевъ. Это все еще ничего; но тамъ легла не одна тысяча православныхъ воиновъ, по присягѣ, какъ слѣдуетъ, безъ

фальши; предварительно, конечно, пересчитавъ у кого слѣдуетъ ребра и перещупавъ другія части тѣла, то же по присягѣ, какъ слѣдуетъ, безъ фальши... Сними шапку и поклонись тому мѣсту до земли!

* *
*

При первой нашей аттакѣ Англійскаго редута, когда нѣкоторыя роты нашего полка, въ томъ числѣ и 12-я, добѣжавъ до рва батареи, не рѣшались взобраться на нее и начали перебрасываться съ непріятелемъ каменьями; то Прапорщикъ Соловьевъ, замѣтивъ нерѣшительность солдатъ, первый взобрался на валъ, — то-есть брустверъ земляной насыпи, съ крикомъ: друзья за мною, и вмѣстѣ съ капраломъ Яковлевымъ, за нимъ послѣдовавшимъ, бросились на Англичанъ, гдѣ и были заколоты. «Куда иголка туда и нитка», сдержалъ свое слово честный капралъ Яковлевъ. Воодушевленные такимъ подвигомъ солдаты, ожесточились, слѣдомъ бросились за молодцами и такъ хорошо распорядились на батареѣ, что рѣдкому доброму Англичанину пришлось показать Русскимъ подошвы своихъ сапогъ. Англійская батарея была взята. Подвигъ этотъ юнаго офицера Соловьева и капрала Яковлева, долженъ быть врѣзанъ въ мозгу новыхъ Тарутинцевъ на вѣчную память.

* *
*

Капитанъ Воротниковъ, личность маленькаго роста, тщедушный на видъ, доказалъ въ семъ дѣлѣ, что сила не въ тѣлѣ, но въ духѣ. Сердечный, столкнувшись съ рослыми Английскими гвардейцами и сознавая несостоятельность для личной обороны старой формы пѣхотной полусабли, бросилъ ее. Рота его была почти-что вся разбита, то, естественно, маленькій Капитанъ, сознавая, что никакая мораль на своихъ подчиненныхъ не дѣйствительна и не можетъ быть ими услышана— чрезъ оглушительный ревъ орудій, трескотню ружей и стоны раненыхъ, сорвалъ съ убитаго своего солдата шанцевый топоръ и началъ сокрушать имъ хладнокровныхъ сыновъ Альбіона (*). Нужно замѣтить, по словамъ солдатъ его роты послѣ битвы, топоръ былъ даже въ форменномъ кожаномъ чехлѣ; но, не смотря на то всякій ударъ Воротникова укладывалъ врага. Сила солому ломитъ, говоритъ пословица и храбрый Воротниковъ, въ свою очередь, былъ жестоко израненъ; а гдѣ онъ умеръ, тамъ-ли, гдѣ дѣйствовалъ, или въ другомъ мѣстѣ?—не зналъ и не знаю.

* * *

Штабсъ-Капитанъ Подресъ, какъ болѣе практическій человѣкъ, въ семъ дѣлѣ имѣлъ при себѣ прекрасную Кавказскую шашку и лихо работалъ ею, отбиваясь съ солдатами своей роты отъ окружившихъ его лично и его роту Англи-

(*) Англичанъ.

чанъ. Оставшіеся въ живыхъ его подчиненные, подъ свѣжими еще впечатлѣніями, съ увлеченіемъ разсказывали, послѣ битвы, о мужествѣ своего начальника. Тяжелая рука покойника!—говорили и между прочимъ, присовокупляли: нашъ Штабсъ-Капитанъ послѣднимъ своимъ ударомъ ссѣкъ лицо Англійскому Гвардейцу,—какъ маску снялъ его образину. За свое мужество и боевое увлеченіе, онъ также поплатился жизнію; но такъ-же не знаю и, въ то время, не зналъ, гдѣ осталось его тѣло.

* *
*

Въ то самое время, когда приближалась развязка боя и не трудно уже было угадать, что конецъ битвы будетъ не успѣшенъ, выступилъ впередъ между Тарутинцами Лукирскій (*). Нашъ полкъ былъ уже разбитъ и представлялъ болѣе отдѣльныя кучки въ 2—3 — 4 — 5—6 — 10 человѣкъ. Всѣ эти люди, потерявъ своихъ начальниковъ и перемѣшавшись съ солдатами другихъ полковъ и дивизій, почти безсознательно бродили по ущельямъ и вершинамъ Инкерманскимъ, отстрѣливаясь, для очищенія собственной совѣсти, въ пороховомъ дыму и туманѣ отъ невидимаго непріятеля и погибали безъ пользы. Лукир-

*) Лукирскій происходилъ изъ духовнаго званія, — былъ сынъ Священника; какъ не окончившій курса наукъ принадлежалъ, по старымъ правамъ, къ 3-му разряду вольноопредѣляющихся. Прослужа 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ и фельдфебельскомъ званіи, въ 12-й ротѣ, былъ пожалованъ въ Подпоручики, на походѣ въ Севастополь.

скій, не смотря на свой незначительный чинъ, съумѣлъ собрать единичныя бродящія кучки Тарутинцевъ и составилъ значительную толпу, къ которой присоединялись и солдаты другихъ полковъ, появилось и нѣсколько офицеровъ. Вліяніе Лукирскаго на ободренныхъ состояло не въ пустыхъ словахъ и крикѣ, а въ физической сторонѣ,—онъ всѣхъ забиралъ подъ свое начальство почти собственными руками. Помню я и теперь, въ то время проносили мимо командира Лейбъ-Бородинскаго полка, Полковника Веревкина, сильно израненаго, тучное тѣло котораго едва несли нѣсколько здоровенныхъ солдатъ. — Полковникъ, увидѣвъ энергичныя и разумныя дѣйствія Лукирскаго, пришелъ въ восторгъ. Вотъ какъ должны дѣйствовать господа офицеры!— кричалъ онъ.—Послѣ этого изъ дыма и тумана вдругъ показались, какъ жуки, въ черныхъ шиняхъ Англичане и, сдѣлавъ по насъ залпъ, бросились въ рукопашную...

Досталось намъ отъ нихъ, что грѣхъ таить, но толпа, подъ начальствомъ Лукирскаго, восторжествовала; Англичане еще разъ, отступая, устлали своими трупами путь отступленія... Торжество наше послѣ того продолжалось не долго... кто-то въ нашей толпѣ закричалъ: братцы, Турки бѣгутъ! — Взглянули и увидѣли: бѣглымъ шагомъ, въ полной походной аммуниціи, въ широкихъ красныхъ шароварахъ, въ строгомъ порядкѣ, — наступаютъ на насъ нѣсколько свѣ-

жихъ баталіоновъ... Это были Зуавы Боске, а не Турки. Толпа Лукирскаго, — и другихъ полковъ, какъ бы сговорились — всѣ — разомъ встрѣтили Зуавовъ; но они такой открыли убійственный огонь, что только частицы нашихъ достигли штыковой работы. То было уже последнее напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ со стороны нашихъ войскъ и мы, не имѣя поддержки, отступили... Многіе до того были истомлены продолжительностію боя, что падали обезсиленные... и все это случилось близъ каменоломни Яхе... Лукирскій былъ израненъ и штыками и пулями, солдаты тащили и не покидали мужественнаго Подпоручика,—онъ служилъ имъ за знамя,—естественно онъ умеръ; но гдѣ почіютъ его кости,—на Инкерманѣ или на Сѣверной?—знаетъ Господь одинъ. Ни дружбы, ни родства и ничего общаго между мною и тобою не бывало; а отдаю мой сердечный привѣтъ тебѣ, боевой офицеръ! Пусть помянутъ тебя и воскресятъ въ своей памяти старые Тарутинцы—боевые!

* * *

Юнкеръ Широковъ поступилъ въ нашъ полкъ, во время слѣдованія въ Севастополь, когда еще мы шествовали по степямъ Малороссіи. Этотъ молодой человѣкъ, съ порядочнымъ домашнимъ воспитаніемъ, былъ привезенъ на службу своимъ отцомъ, небогатымъ помѣщикомъ Смоленской

или одной какой-нибудь изъ смежныхъ съ нею губерній. Разсказывали тогда на походѣ, что отецъ Широкова,—доблестный ветеранъ Отечественной войны 1812 года, вручая своего сына Командиру полка, Генералъ-Маіору Волкову, выразился такъ: «Ваше Превосходительство, вручаю сына моего Господу и Пречистой его Матери, дарю Императору и Отечеству. Я увѣренъ, что сынъ мой не посрамитъ моей сѣдой головы. Я увѣренъ, Ваше Превосходительство, въ чести моего сына, такъ-же какъ въ томъ, что онъ сынъ мой, и въ немъ течетъ моя кровь». Слова многознаменательныя! По этому старикъ-отецъ Широковъ въ нашихъ глазахъ въ то время и заочно нарисовался, какъ и библейскій Патріархъ Авраамъ,—а Широковъ—юнкеръ получилъ заочную симпатію. Отецъ Широковъ, простившись съ сыномъ и его благословивъ, — говорили,—былъ торжественно спокоенъ и какъ бы доволенъ собою; но когда садился въ свою повозку и уѣзжалъ,—не прошенныя слезы омочили сѣдые усы стараго воина. Командиръ полка, какъ добрый старикъ, поручилъ юношу одному изъ добродушнѣйшихъ людей, командиру 3-й Карабинерной роты, что нынѣ 9-я, Штабсъ-Капитану Ермолаеву. Широковъ въ этой же битвѣ, кровью своею запечатлѣлъ данное обѣщаніе своему отцу и долгъ присяги. Во время взятія 3-ю карабинерною и 12-ю ротами Англійской батареи, почти въ одно же время, когда Прапорщикъ Соловьевъ и капралъ

Яковлевъ пожертвовали своею жизнью для примѣра другимъ, то и Широковъ былъ смертельно раненъ тамъ же близъ праваго плеча картечью. Какъ передавали тогда очевидцы,—его еще живаго донесли за мостъ на перевязочный пунктъ, и тамъ онъ спокойно умеръ, отказавшись отъ перевязки—какъ уже совершенно безполезной, сознавая, что исполнилъ долгъ дворянина, солдата и завѣтъ своего родителя.

* *
*

Съ Эвеніусомъ я познакомился уже въ Севастополѣ, въ морскихъ, знаменитыхъ потомъ, казармахъ, въ Апрѣлѣ 1854 года, вскорѣ по прибытіи нашего полка въ Севастополь. Въ этихъ же, въ то время казармахъ, квартировалъ незначительное время и 1-й баталіонъ нашего полка, до перехода послѣдняго на правую сторону города и, кажется, въ Николаевскую батарею.

Личность г. Эвеніуса съ первой же встрѣчи располагала всякаго въ его пользу; бываютъ такія любезныя физіономіи! Онъ былъ высокаго роста, съ пріятными чертами лица и скромный до женственности. Эвеніусъ обладалъ даромъ слова и идеи его были свѣтлы, познанія имѣлъ многостороннія, такъ какъ получилъ блестящее воспитаніе, — не помню только въ какомъ изъ заведеній,—что въ то старое время составляло большую рѣдкость для большинства служащихъ.

Нельзя было не привязаться къ нему душевно, тѣмъ болѣе въ минуты бесѣдъ и когда онъ о чемъ нибудь говорилъ или разсуждалъ; а говорилъ онъ складно и выразительно. Честный товарищъ и мученикъ, не льщу тебѣ мой милый! Храбрый этотъ юноша, по собственному его желанію, находился въ командѣ штуцерныхъ Тарутинскаго полка. Эвеніуса тяжело ранили картечью,—лѣвая рука его выше локтя была перебита, тоже близъ Англійскаго редута. Какъ теперь помню, какъ встрѣтился съ нимъ на исходящемъ углѣ непріятельской батареи, кровь почти что не текла изъ его раны, откуда виднѣлся кусокъ кости и оборванное сукно; можетъ быть она вытекла тогда, когда только что былъ раненъ. Рука его чуть-чуть держалась на незначительномъ количествѣ мяса и кожи; а вся лѣвая сторона шинели, сапоги, штаны были въ крови... Не смотря на блѣдное его лицо отъ истеченія крови,—какъ должно полагать и, хотя его покачивало, какъ пьянаго изъ стороны въ сторону,—духомъ Эвеніусъ былъ бодръ: самъ правою своею рукою поддерживалъ, отбитую почти прочь руку, не давая тѣмъ окончательно ей оторваться отъ собственной тяжести... Эвеніусъ даже не бросалъ своего штуцера, послѣдній висѣлъ на погонномъ ремнѣ за его спиною. Подойдя ко мнѣ, онъ спокойно обратился съ просьбою перевязать его, то есть подвязать руку къ шеѣ: «подвяжите ее къ шеѣ, Никатовъ, эта ру-

ка у меня устала», головою показывая мнѣ на правую руку, болѣзненно выговорилъ онъ. Находясь самъ подъ сильными душевными давленіями и окруженный ужасами я, признаюсь, не нашелся сразу чѣмъ и помочь ему; но, по счастію, вспомнилъ про мой красный родительскій ситцевый платокъ въ карманѣ, имъ я опуталъ руку несчастливца—друга и подтянулъ къ шеѣ. Печальное наше отступленіе началось,—я и Эвеніусъ побрели вмѣстѣ съ толпами отступающихъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Вскорѣ въ толпѣ и суетѣ я потерялъ его изъ виду и съ той поры мы не видались болѣе. Сказывали послѣ солдаты, что юнкеръ получилъ еще нѣсколько ранъ пулями и свалился въ каменноломномъ оврагѣ. Много, ой, ой, много легло тамъ нашихъ собратовъ!—

Отставной Штабсъ-Капитанъ изъ Астраханскаго Казачьяго Коннаго полка **Василій Никатовъ.**

Г. Астрахань.
25 Мая 1874 года.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 30-го Сентября 1874 года.

Редакторъ, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ С. Зыковъ.

Издательница Э. Погоская.